

Князькова Виктория Сергеевна

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ СЛОВАЦКОГО ПИСАТЕЛЯ П. ВИЛИКОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА "ВСЁ, ЧТО Я ЗНАЮ О ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕИЗМЕ")

В статье выделены основные темы творчества словацкого писателя Павла Виликовского. В качестве материала выбран малоизученный рассказ "Всё, что я знаю о центральноевропействе", который в то же время является своеобразной квинтэссенцией основных идей творчества писателя. Основное внимание уделяется вопросу идентичности и тому, как её видит и представляет в своём произведении П. Виликовский. В результате анализа сделан вывод о том, что идентичность для писателя не является данностью, а представляет собой результат познания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 31-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

FRENCH RECEPTION OF THE POEM BY N. V. GOGOL "DEAD SOULS" IN THE PERIOD OF FRENCH-RUSSIAN ALLIANCE: THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Zavgorodnii Aleksei Mikhailovich
Maxim Gorky Literature Institute, Moscow
almzav@yandex.ru

The article examines the specifics of the French perception of the poem by N. V. Gogol "Dead Souls" at the second stage of rapprochement between France and Russia (the beginning of the XX century). The author identifies the new tendencies in the French reception of the poem; special attention is paid to R. Tyrneva's thesis, the first French thesis on Gogol. The paper presents a survey of the French publications dedicated to N. V. Gogol and his "Dead Souls".

Key words and phrases: Gogol; "Dead Souls"; Tyrneva; the French-Russian alliance; literary criticism; reception; the French translation.

УДК 821.162.4

В статье выделены основные темы творчества словацкого писателя Павла Виликовского. В качестве материала выбран малоизученный рассказ «Всё, что я знаю о центральноевропействе», который в то же время является своеобразной квинтэссенцией основных идей творчества писателя. Основное внимание уделяется вопросу идентичности и тому, как её видит и представляет в своём произведении П. Виликовский. В результате анализа сделан вывод о том, что идентичность для писателя не является данностью, а представляет собой результат познания.

Ключевые слова и фразы: словацкая литература; Павел Виликовский; зашифрованная топонимика; идентичность; постмодернизм.

Князькова Виктория Сергеевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
v.kniazkova@mail.ru

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ СЛОВАЦКОГО ПИСАТЕЛЯ П. ВИЛИКОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ВСЁ, ЧТО Я ЗНАЮ О ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСТВЕ»)

Павел Виликовский (р. 1941) по праву считается одним из основоположников словацкого постмодернизма. Хотя исследователи выделяют, прежде всего, его повесть «Вечнозелен...» («Večne je zelený», 1989), книгу, ставшую «этапной» [3, с. 55] в развитии словацкой литературы XX века, обратимся к менее известному произведению – рассказу «Всё, что я знаю о центральноевропействе» («Všetko, čo viem o stredoeurópanstve» [5]). Небольшой рассказ, впервые опубликованный в 1996 году, стал своеобразной квинтэссенцией основных идей творчества писателя, отражающих историческое, географическое, национальное своеобразие словацкой культуры.

Рассказ имеет подзаголовок «S trochou priateľskej pomoci od Olomouca a Camusa» / «С небольшой дружеской помощью Оломоуца и Камю» и открывается эпиграфом «Stredoeurópanstvo, to nie je štátne občianstvo, ale svetový pázor» [Ibidem]. / «Центральноевропейство – это не гражданство, а мировоззрение» (здесь и далее перевод автора статьи – В. К.) – высказывание, принадлежащее венгерскому писателю Дьёрдю Конраду (György Konrád), посвятившему многие свои работы вопросу идентичности и понятию *Центральная Европа* (например, в книгах «Искушение автономией» (1980), «Антиполитика. Центральноевропейские медитации» (1984), «Идентичность и истерия» (1994), в эссе «Существует ли ещё мечта о Центральной Европе?» (1984) и в большинстве романов).

Сюжет рассказа лаконичен: действие происходит во времена социализма; на железнодорожной станции города Брно в Моравии повествователь, молодой человек из Братиславы, случайно встречает Альбера Камю, путешествующего по Центральной Европе, завязывается диалог, который продолжается в течение нескольких часов – сначала на вокзале, затем в поезде, следующем в Оломоуц, – и завершается во время прогулки по Оломоуцу на следующее утро. В этом диалоге, а по своей сути внутреннем монологе повествователя, открываются взгляды автора на самые волнующие его темы. Одна из них – проблема идентичности – получает многостороннее освещение. Используя метод интертекстуальности, П. Виликовский сталкивает и переплетает в рассказе философские взгляды Альбера Камю и Дьёрдя Конрада, через которые передает своё видение этого вопроса. В самом начале рассказа повествователь рассуждает об отрицательном отношении центральноевропейцев к большим городам не по рациональным причинам, а просто потому, что они чувствуют себя в них неуверенно, они основываются не на познании, а на настроении. Здесь автор вводит фигуру Альбера Камю и его воображаемую реакцию на эти размышления:

«Ale ved' to je veľmi stredoeurópske!» povedal by mi na to asi Camus. «Môže sa azda jednotliviec dopracovať k presnejšiemu poznaniu, ako je nálada?» [Ibidem]. / «Как это по-центральноевропейски!» – сказал бы мне на это Камю. «Разве может человек прийти к более точному познанию, чем настроение?»

В последнем предложении содержатся три ключевых для творчества П. Виликовского слова: *nálada* ('настроение'), одно из неопределённых состояний, в котором ещё возможно найти нечто подлинное, нефальшивое; *poznanie* ('познание') как необходимое условие жизни; *presný* ('точный'): только с помощью точности восприятия можно прийти к познанию.

Восклицание Камю «Как это по-центральноевропейски!» («Ale ved' to je veľmi stredoeurópske!») прозвучит в рассказе еще шесть раз. И все семь раз в нём звучит снисходительно-ироничная насмешка над ограниченностью, узостью миропонимания центральноевропейцев. Однако заканчивается рассказ цитатой, которую, по словам повествователя, он обнаружил в одном из произведений Альбера Камю; в цитате говорится о том, что существуют на свете такие города и страны, в которых люди задумываются о более высоких материях, чем повседневные вопросы. Цитата приводится как будто в доказательство того, что Камю признаёт наличие более духовной жизни в городах Центральной Европы в отличие от культуры западной. Речь идёт о романе А. Камю «Чума» (1947).

Вопросы национальной идентичности для П. Виликовского неотделимы от идентичности языковой. Как доказывает А. Г. Бодрова в коллективной монографии «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей», решающая роль языка в формировании нации характерна именно для Европы [2, с. 52]. П. Виликовский следует учению В. Гумбольдта о языке как непрерывном творческом процессе и о «внутренней форме языка» как выражении индивидуального мирозерцания народа. Язык, по Виликовскому, детерминирует поведение человека. Так, в рассказе есть несколько моментов, когда главный герой объясняет своё речевое поведение использованием иностранного языка:

...to ma už cudzí jazyk schmatol za pačesy a vláčil ma, kade sa mi zachcelo [5]. / *...иностранный язык уже схватил меня за волосы и тащил меня, куда ему вздумается.*

V cudzom jazyku je človek schopný vysloviť veci, ktoré by v materinskom zo seba nikdy nedostal; cudzím jazykom hovorí cudzí človek, za ktorého nepocituje nijakú zodpovednosť ani hanbu. Je to ako omaľovánky, o všetkom dôležitom je vopred rozhodnuté a vám stačí dávať pozor, aby ste farbičkou neprešli cez čiaru [Ibidem]. / *На иностранном языке человек способен высказать то, что на родном он никогда бы не решился произнести; на иностранном языке говорит чужой человек, за которого вы не чувствуете никакой ответственности или стыда. Это как раскраска: обо всём самом главном уже решено за вас, вам остаётся только следовать за тем, чтобы краской не выйти за линии.*

Вопрос идентичности в творчестве П. Виликовского неразрывно связан с мотивом путешествия – поиск идентичности посредством преодоления расстояния и конфронтации с чужеродным пространством, путь куда-либо как путь к себе. Уже в дебютном рассказе П. Виликовского «Более, чем когда-либо» («Viac než kedykoľvek», 1961) дорога становится основной темой и далее занимает одно из центральных мест практически во всех произведениях писателя.

Здесь не только сам разговор главного героя с Камю происходит во время пути (сначала на вокзале, затем в поезде, после чего во время прогулки), но и образ Альбера Камю вписан в мотив дороги. Вокзал оказывается идеальным фоном для внешности Камю:

Všimol som si ho azda práve preto, že tak ladil s halou brnianskej stanice [Ibidem]. / *Я и заметил его как раз потому, что он так подходил к вокзалу города Брно.*

И сам характер Камю вписан в мотив пути:

...nevyuzeral ako cestujúci, ale ako človek na cestách [Ibidem]. / *...он не выглядел как путешественник, но как человек в пути.*

Слово *cesta* ('путь, дорога') становится знаковым и определяет уже не только то, что имеет прямое отношение к дороге или пути:

Taký usedený, zažratý smútok, ktorému už dávno odcestovali všetky dôvody [Ibidem]. / *Такая старая въевшаяся грусть, которую давно покинули все причины.*

Camus si, nazdávam sa, cestovaním riešil problém, alebo aspoň hľadal prostredie, kde by jeho problém nebil do očí. Je to stále ten istý problém, len má v každom období iné pomenovanie; dnes ho prezývame "kríza identity". Povedal by som, že ho okašlala frajerka, vtedy sa zvyčajne v mladom človeku spúšťa onen sled trýznivých otázok od "čo sa jej na mne nepáči?" až po "kto vlastne som?". Ten priamy úder na solar plexus, solar nexus i solar sexus, keď po prvý raz zistíte, že inému sme iní ako sebe [Ibidem]! / *Камю, мне кажется, с помощью путешествия решал свою проблему или, по крайней мере, искал место, где бы эта проблема не бросалась в глаза. Это всё та же проблема, только в каждом времени она называется по-своему; сегодня мы называем её «кризис идентичности». Я бы сказал, что его бросила девушка, тогда обычно в молодом человеке поднимается целый ряд мучительных вопросов от «что ей во мне не нравится?» до «кто я собственно есть?». Этот жестокий удар в «solar plexus, solar nexus i solar sexus», когда мы впервые осознаём, что для других мы другие, чем для себя!*

Данная цитата затрагивает и ещё очень важный аспект творчества П. Виликовского – типичную постмодернистскую тему эротики и физиологии как знаменателей категории телесности.

Здесь эта категория представлена несколькими не связанными друг с другом эпизодами. Это и упоминание о французском писателе Жане Жене, следующем за своим любовником через Моравию; это и эпизод с Ромео и Джульеттой, ощупывающими себя перед зеркалом с целью определить, что в нём Монтекки и что в ней Капулетти; и неуместный вопрос главного героя «Voulez-vous coucher avec moi?» Альберу Камю во время заселения в гостинице Оломоуца; и опасения главного героя, что Камю спросит его, где в городе найти проститутку; и цель поездки главного героя в Оломоуц, где ему предстоит быть членом жюри на конкурсе «Мисс Народная демократия».

Последнее является поводом для раскрытия ещё нескольких важных идей. Камю недоумевает о смысле конкурса «Мисс Народная демократия»:

«V Amerike», povedal napríklad, «kde tieto voľby kráľovien vlastne vynašli, sa súťažá o titul Miss Vybočené koleno, Miss Najokrúhľejší pupok, alebo hoci Miss Materinské znamienko na riti. Tam sú kritériá viac-menej jasné. Ale Miss Ludová demokracia?» [Ibidem]. / *«В Америке, – сказал он, – где собственно эти конкурсы красоты*

изобрели, есть, например, конкурс “Мисс Кривое колено”, “Мисс Круглый пупок” или даже “Мисс Родинка на попке”, и там критерии выбора более-менее ясны, но “Мисс Народная демократия”?».

Главный герой объясняет, что для них красивая женщина является, прежде всего, носителем высших духовных ценностей, именно поэтому в состав жюри входят писатели в качестве экспертов этих самых духовных ценностей. Камю восторгается успехом главного героя, начинающего писателя, но тот отвечает, что не считает членство в жюри для себя успехом, т.к. свои цели и успехи в их достижении он устанавливает для себя сам. Далее следует ответ Камю:

«*Keď vás tak počívam, vy si veľa úspechov neužijete*», povedal Camus a prirovnal svoju situáciu k Sifyzovi, ktorý trpezlivo valí balvan na kopec, ale vždy tesne pred vrcholom sa mu skotúľa [Ibidem]. / «Я вас сейчас вот так слушаю и понимаю, что успеха вы в жизни не добьётесь», – сказал Камю и сравнил меня с Сизифом, терпеливо поднимающим в гору камень, который каждый раз перед самой верхушкой скатывается обратно вниз.

Здесь содержится важная для рассказа и всего творчества П. Виликовского отсылка к философскому эссе Альбера Камю «Миф о Сизифе» (1942), программному произведению в философии абсурдизма.

С рассуждением о смысле или бессмысленности труда, усилий, устремлений, жизни в целом связан вопрос подлинного и фальшивого, настоящего и выдуманного – один из самых острых и болезненных вопросов, проходящих через все произведения П. Виликовского. Для писателя «выйти из себя неаутентичного – это единственный способ найти и пережить свою идентичность» [3, s. 145]. Что в жизни есть подлинного и каково наше место в мире – на этот самый главный вопрос автор пытается ответить в этом произведении, используя фигуру Альбера Камю:

Takto to bolo. Táranie, samé taľafatky a pišoláčiny, ale zdalo sa, že práve ony Camusa neodolateľne priťahujú. Akoby sa jeho záujem riadil hľadiskom bezvýznamnosti; akoby jedine bezvýznamné malo pre neho ešte význam. Bol, ak to tak možno povedať, historikom toho, čo nemá históriu, omrvíniek, ktoré nepovšimnuté padajú pod stôl dejín. Že by už iba tieto bezprizorné, neinventarizované okamihy vedel pocíti ako život? Dnes, keď máme toľko významov, že nám pre ne začínajú chýbať skutočnosti, dnes tu, myslím, rozumiem. Bože, ako ja nenávidím dejiny, ten vlastný životopis ľudstva [5]! / Так это было. Болтовня, глупости, вздор, но казалось, что именно они непреодолимо влекут Камю. Как будто его интерес руководствовался бессмысленностью; как будто только бессмысленное имело для него смысл. Он был историком того, что не имеет истории, крошек, которые незамеченные падают под стол истории. Неужели только в этих беспризорных, не прошедших инвентаризацию моментах он мог чувствовать жизнь? Сегодня, когда мы имеем столько смыслов, что нам начинает не хватать для них действительностей, сегодня, мне кажется, я его понимаю. Боже, как я ненавижу историю, эту автобиографию человечества!

Заметим, как в этом отрывке речь плавно перетекает из передачи слов Камю в уста самого рассказчика, последнее предложение уже звучит от первого лица. Как будто один образ сливается и пересекается с другим, повествователь (а за ним и сам автор) примеряет образ Камю на себя. В то же время образ Альбера Камю сливается и с образом отца рассказчика – так одна и та же фраза используется для описания внешности Камю и отца:

Čierne, nakrátko ostrihané vlasy, v kútiku úst frajersky zavesená cigareta [Ibidem]. / Чёрные, коротко остриженные волосы, в уголке рта франтовато подвешенная сигарета.

Взаимоотношения человека и истории, над которой писатель иронизирует во многих своих произведениях (в повести «Вечнозелен...», романе «Последний конь Помпеи» и др.), являются частным вопросом оппозиции подлинного и фальшивого в жизни. Вернемся к началу рассказа, где, говоря о нелюбви центральноевропейцев к большим городам, автор незаметно и тонко вводит и рассуждение об истории:

Zvláštne, že vo veľkých mestách a veľkých dejinách sa títo ľudia pohybujú veľmi neisto a vyslovujú sa o nich znevažujúco a paušálne. Asi tak, že je v nich strašne veľa špiny [Ibidem]. / Странно, что в больших городах и большой истории эти люди ведут себя очень неуверенно и отзываются о них огульно с пренебрежением. Примерно так, что в них ужасно много грязи.

Таким образом, слово *špina* (‘грязь’) здесь имеет одновременно прямое и переносное значения, характеризуя города и историю. Благодаря тому, что слово *dejiny* (‘история’) является *plurale tantum* и созвучно существительному *dediny* (‘деревни’), словосочетание *vo veľkých mestách a veľkých dejinách* (‘в больших городах и большой истории’) звучит подобно *vo veľkých mestách a veľkých dedinách* (‘в больших городах и больших деревнях’), а слово *dejiny*, закравшееся сюда так неприметно, имеет чрезвычайно важное значение для понимания рассказа и всего творчества писателя в целом.

Всеобъемлющий вопрос идентичности неразрывно связан не только с историей, но и с географией. Рассказывая Альберу Камю об особенностях повседневной жизни в его стране, главный герой использует выражение *v našich zemepisných šírkach*. Данное устойчивое словосочетание, дословно означающее ‘в наших географических широтах’, является одной из ключевых фраз и звучит в рассказе восемь раз. Камю спрашивает, имеет ли молодой человек в виду Центральную Европу. Молодой человек размышляет о том, что в те времена железного занавеса он даже не сталкивался с понятием Центральной Европа и что данное выражение является скорее зашифрованным обозначением определённого политического режима.

Необходимо заметить, что подобный приём зашифрованной топонимики встречается и в других произведениях современных словацких авторов. В частности, можно упомянуть роман П. Криштуфека «Суфлёр» («Šerfák», 2008) или роман И. Брежной «На куриных крыльях» («Na slepačích krídlach», 2008). В этих произведениях, где действие происходит в Словакии, название самой Словакии и другие топонимы не упоминаются, но подразумеваются. Возможно, такое решение свидетельствует о болезненном поиске национальной идентичности, характерном для всей словацкой современной литературы.

Как подчёркивает М. Ю. Котова в коллективной монографии «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей», проблема национальной идентичности всегда «актуализируется на фоне чужого (“иностранный”) присутствия» [2, с. 112]. Неслучаен в рассказе подзаголовок «С небольшой дружеской помощью Оломоуца и Камю», определяющий словацкую идентичность не только с перспективы западноевропейского взгляда А. Камю и с помощью частых сравнений с американским стилем жизни, но и на фоне чешского города Оломоуца. С момента образования самостоятельного словацкого государства после распада Чехословакии словакам приходится определять свою идентичность, прежде всего, отделяя себя от чешского опыта. Эта чешская составляющая словацкой идентичности постоянно присутствует в произведениях П. Виликовского [4, р. 191]. И хотя писатель, безусловно, представляет словацкую идентичность как часть более широкой центрально-европейской идентичности, однако подчёркивает, что идентичность не является данностью, а представляет собой путь, поиск, настроение, чувства, процесс и результат познания конкретного человека, желающего осознать и принять свою идентичность.

«*No a človek môže byť po celý život Stredoeurópanom, a vôbec na to nemusí prísť. Ja som mal to šťastie, že som v Brne na hlavnej stanici stretol Camusa*» [5]. / «Человек может всю жизнь быть центрально-европейцем, но так и не осознать этого. Мне повезло, что на главном вокзале города Брно я встретил Камю».

Данная позиция писателя является проявлением восприятия «феномена национальности как конструкта» [2, с. 63]. Таким образом, можно утверждать, что словацкий писатель П. Виликовский понимает идентичность в духе деконструктивистского подхода «как продукт воображения, как идею или проект, формирующиеся при помощи дискурсивных практик – научных, художественных, политических» [1, с. 240].

Список литературы

1. **Лукина А. В.** Новые подходы к исследованию национальной идентичности // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 238-246.
2. **Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей** / отв. ред. М. Ю. Котова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 142 с.
3. **Darovec P.** Pavel Vilikovský alebo Prepísať sa k citu, prečítať sa k zmyslu. Bratislava: Kalligram, 2007. 192 s.
4. **Sabatos Ch.** Czechs, Sex, Spies and Torture: Slovak Identity as Translation in Vilikovský's Ever Green is... // Comparative Literature Studies. 2003. Vol. 40. № 2. P. 173-192.
5. **Vilikovský P.** Všetko, čo viem o stredoeurópanstve [Электронный ресурс]. URL: http://www.babelmatrix.org/works/sk/Vilikovsk%C3%BD_Pavel-1941/V%C5%A1etko_%C4%8Do_viem_o_stredoeur%C3%B3panstve/1477-Mindaz_amit_tudok_a_k%C3%B6z%C3%A9p-eur%C3%B3pais%C3%A1gr%C3%B31 (дата обращения: 10.03.2015).

SEARCH FOR IDENTITY IN THE WORKS OF THE SLOVAK WRITER P. VILIKOVSKII (BY THE MATERIAL OF THE STORY “ALL I KNOW ABOUT CENTRAL EUROPEANISM”)

Knyaz'kova Viktoriya Sergeevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
v.kniazkova@mail.ru

The article highlights the main themes in the creativity of the Slovak writer P. Vilikovskii. As a research material the author chooses a poorly known story “All I know about Central Europeanism”, which at the same time is a quintessence of the basic ideas of the writer’s creativity. The focus is on the question of identity and the way P. Vilikovskii sees it and represents it in his works. As a result of the analysis the conclusion is made that identity for the writer is not givenness, it is the result of cognition.

Key words and phrases: the Slovak literature; P. Vilikovskii; encoded toponymy; identity; postmodernism.

УДК 821; 82-2

Цель данной статьи – выявить признаки взаимодействия с западной культурной традицией и показать своеобразие ее восприятия на материале одной из первых пьес, созданных на малайском языке. Проведенный анализ указывает на большую значимость для малайского автора творчества Шекспира и подчеркивает большую специфику его осмысления в местном культурном контексте. Эта специфика является следствием воздействия переводов пьес Шекспира и их постановок в городском театре бангсаван, сильно повлиявших на становление драматургии Малайзии.

Ключевые слова и фразы: история малайской литературы; драматургия Малайзии; западное влияние на малайскую литературу; переводы Шекспира на малайский язык; театр бангсаван.

Кукушкина Евгения Сергеевна, к. филол. н., доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
zhenuya_isaa@mail.ru

«ПОДОБНО СОЧИНЕНИЯМ ШЕКСПИРА»: У ИСТОКОВ ДРАМАТУРГИИ МАЛАЙЗИИ

Применительно к литературе Малайзии вопрос западного влияния до недавнего времени ставился очень ограниченно [21, р. 100-101]. Данная ситуация объясняется спецификой социальной базы писательской интеллигенции страны. В колониальную эпоху коренному населению отводилась строго определенная социально-экономическая ниша, и доступ к образованию был для него сильно затруднен [17, р. 25-26].